Глава 2: Кузнец

Птицы пели, цветы цвели, а люди занимались своими повседневными делами. Еще один обычный день на родине Марли.

Но как бы ни был хорош этот день, город Либерио был не слишком счастлив.

Для эльдинов ничего не изменилось. Они вставали, шли на свою работу и время от времени ловили на себе полные ненависти взгляды и оскорбления жителей Марли, а также постоянные напоминания о том, что они - потомки дьяволов.

Многие эльдийцы уже привыкли к этой ненависти. Некоторые ломались под давлением и шли на все, чтобы положить конец своим страданиям. Но были среди них и те, у кого стальные нервы, и их не трогали ненавистные слова в свой адрес.

Одной из таких эльдиан была молодая рыжеволосая женщина по имени Люсия Мюллер. К настоящему времени все военные Марлея знают, кто она такая, равно как и жители как Элдиана, так и Марлея. Она была не только одним из нынешних Воинов, служащих родине, но и талантливым кузнецом и инженером.

Она держала небольшую кузнечную мастерскую в Либерио. Большую часть дней она проводила, обучаясь у отца и мачехи, в то время как ее сводный брат, Леонардо, хотел стать кандидатом в воины.

В те времена она не слишком заботилась о том, чтобы стать воином. Если Леонардо удастся им стать, то она и ее семья в любом случае станут почетными марлианцами. Она могла бы просто пойти по стопам отца и сама стать прекрасным инженером.

Но что-то изменилось в ней. Что-то, что заставило ее отказаться от желания стать Воином, заставило желать этого больше всего на свете.

Военные понятия не имели, почему она бросила карьеру и согласилась сократить свою жизнь, чтобы унаследовать один из девяти, но они не жаловались, увидев, каким воином она стала.

С того дня, как она унаследовала Женщину-Титана от своей предшественницы, жизнь Люсии изменилась. Ее отец и мачеха стали почетными марлианцами. Их старая обветшалая кузница получила масштабную реконструкцию и стала основным местом, где военные приобретали оружие, снаряжение, ремонтировали и выполняли другие работы.

Со временем она освоила все, чему учил ее отец, и смогла создавать оружие, которое было намного совершеннее того, что делал он.

После трагической гибели отца и мачехи она решила сохранить их наследие, став лучшим воином Марли и поддерживая легендарный статус отряда воинов своего предшественника.

Люсия вспоминала свой путь, который она прошла, чтобы зайти так далеко, и в то же время била молотком по раскаленному куску доспехов, держа в другой руке паяльную лампу.

Доспехи были слишком велики для человека, а их конструкция больше напоминала маску для огромного лица. Это была броня одного из девяти титанов, в первую очередь - Титана Карт.

"Хм? Пока все хорошо. Но мне кажется, что чего-то не хватает?" мысленно отметила она,

внимательно осматривая гигантскую лицевую пластину.

Однако не успела она указать на проблему, как дверь позади нее распахнулась.

"Эй! Сюда не пускают покупателей!" крикнула она, даже не взглянув на собеседника.

"Даже твоей любимой ученице?"

Лючия прекратила все свои дела, чтобы обратиться к человеку, вошедшему в ее магазин. Ее раздраженное выражение быстро исчезло и сменилось радостным, когда она узнала голос.

В задней комнате ее магазина стоял молодой Лазарь Авербах. Ее самый надежный ученик, а также самый любимый из кандидатов в воины. Мальчик - единственная причина, по которой она вообще стала воином.

Люсия отложила инструменты и позволила Лазарю подойти к ней. Он подошел к ней, чтобы поприветствовать ее рукопожатием, но вместо этого получил материнское объятие. Лазарь отвечает на этот жест утешительной улыбкой.

Он всегда счастлив, когда заходит в магазин Люсии. Когда бы он ни был напряжен из-за тренировок или тяжелого дня, он всегда мог рассчитывать на то, что она заставит его забыть об этом.

"Я так рада снова видеть тебя, Лазарь", - с любовью говорит Лючия.

"Я тоже, мисс Мюллер".

Дружелюбная улыбка Лючии быстро сменилась гримасой, когда она услышала, как к ней обращаются. Затем она ущипнула Лазаря за щеку, заставив юношу скривиться от дискомфорта и смущения.

"Я уже много раз говорила тебе, что не нужно быть таким формальным, когда мы наедине. Ты можешь называть меня просто Лючией".

"Простите, я не правильно выразился - Люсия. Просто я так привык к формальному общению с начальством, что мне кажется странным говорить с ними, как с друзьями или членами семьи". пояснил Лазарь, потирая заалевшую щеку.

"И ты не считаешь меня ни тем, ни другим?" язвительно спросила Лючия, притворяясь грустной.

"Нет... то есть да, я..."

Лючия разразилась историческим смехом в ответ на то, что Лазарь споткнулся о собственные слова. Его смущение от этого только усилилось. Лючия заметила это и погладила его по покрытой шляпой голове.

"Я просто подшучиваю над тобой, Лаз. Я знаю, что в глубине души ты считаешь меня близким другом". Она успокаивает его.

"Но ты - нечто большее". Лазарь прервал ее. "Ты также мой наставник и самый близкий мне человек, похожий на мать... Именно благодаря тебе меня приняли в программу "Воин". Благодаря тебе у меня теперь так много друзей. Благодаря тебе я... я... больше не в этой дыре". Лазарь колебался, стоит ли говорить о последней части. Но он должен был дать понять своей

наставнице, как много она для него значит.

Люсия была приятно удивлена тем, как открыто и честно он вел себя по отношению к ней. И дело не столько в том, что она не хотела всего этого слышать, сколько в том, почему он сказал это именно сейчас.

Люсия не удержалась и еще раз тепло улыбнулась ему в ответ. Затем она притянула его к себе и снова обняла. Она могла бы обнимать его сотни раз на протяжении многих часов, и ей бы это никогда не надоело. Вот как сильно она дорожит своим учеником. Как мать - своим ребенком.

"Ты такой милый, что говоришь все это, Лаз... Но что заставило тебя сказать это в первую очередь?"

Лазарь сделал небольшую паузу. Он знал, что этот день рано или поздно наступит, но все еще не был готов к нему. Да и как можно быть готовым к тому, что кто-то, о ком он так сильно заботится, внезапно встретит свой конец?

Люсия, Том, Леонардо и остальные члены их отряда воинов уже одиннадцать лет являются перевертышами Титана. А это значит, что жить им осталось еще два. После этого ему и его друзьям придется унаследовать своих Титанов от...

Нет! Лазарь не хотел думать об этом прямо сейчас. Он перейдет этот мост, когда доберется до него. Сейчас он пришел, чтобы провести время со своим наставником и предложить помощь по магазину.

"Лазарь?" Люсия начала беспокоиться о своем ученике, когда не получила от него ответа.

"Прости, Лючия, я не хотел тебя беспокоить. Просто я... я..."

"Ты можешь рассказать мне все, Лаз. Ты ведь знаешь об этом?" спросила Лючия. "Если у тебя что-то на уме, я всегда буду рядом, чтобы помочь тебе справиться с этим".

"Только вот тебя не будет". Лазарь наконец собрался с силами, чтобы дать ей понять, о чем он думает. "Через два года... Ты умрешь. И Женщина-Титан перейдет к Энни или Пику".

Теперь Люсия поняла, в чем дело и почему он был так молчалив. Бедный мальчик не был готов попрощаться с ней, когда срок ее службы подойдет к концу.

Возможно, он думал, что все то время, что он ее знал, он воспринимал ее как должное. Одна эта мысль заставила Люсию немного посочувствовать ему. У нее тоже была связь с прошлым Воином. Но даже сейчас она жалела, что проклятие Ймира не настигло ее так рано.

Зачем основательнице Ймира понадобилось убивать себя через тринадцать лет после обретения силы Титанов? Теперь всех, кто унаследует ее силу, ждет та же участь, включая ее саму.

"А, я понял, в чем дело. Ты думаешь, что еще не готов стать воином, не так ли?" предположила она. "Тебе не о чем грустить. Все твои друзья чувствуют то же самое... Унаследовать один из девяти - большая честь. Но это может быть и тяжелым бременем. Особенно если твой предшественник - близкий тебе человек".

"Но дело не только в этом". Лазарь прервал ее. "Мне кажется, что большую часть времени, проведенного с тобой, я только и делал, что тренировал себя, чтобы стать сильнейшим из

кандидатов. Убеждался, что стану величайшим Воином из всех, когда начну свою первую миссию против вражеской нации... Все эти годы я только и делал, что учился у тебя. Не поймите меня неправильно, я наслаждался каждым моментом, и я ценю все, что вы для меня сделали. Но все же было бы неплохо, если бы я хотя бы позволил тебе делать то, что ТЫ хочешь, а не концентрировать все свое внимание на мне".

Лазарь говорил с чувством вины и сожаления в голосе. На протяжении тринадцати лет жизни Люсии в качестве воина она почти все эти годы готовила его к тому, чтобы он стал успешным кандидатом в следующее поколение воинов. Бедный мальчик не мог отделаться от ощущения, что потратил ее жизнь впустую, всегда приходя к ней, когда казался потерянным.

"Люсия... Я всегда буду любить тебя за то, что ты взяла меня под свою опеку, обучила сражаться, ковать оружие и прочим вещам. Я никогда не смогу простить себя за то, что заставил тебя потратить свою жизнь на то, чтобы помочь моему жалкому слабому существу пройти военную подготовку".

Люсия растерялась. Она даже не представляла, насколько глубоко задело его тринадцатилетнее проклятие. Большинство других кандидатов знали, что становится с воинами после этого, а те, кого выбирают, учатся смиряться и жить с этим.

Она опустилась на колени на уровне глаз Лазаря и нежно погладила его по спине своими мягкими ласковыми руками.

"Ты не зря потратил мою жизнь, Лазарь". Она отвечает ему спокойным, ободряющим тоном. "Все, что я сделала для тебя, я решила сделать сама. И причина, по которой я решила посвятить тебе оставшиеся годы... В том, что я дала обещание твоей матери".

Лазарь замер и быстро посмотрел ей в глаза. Он впервые слышал о подобном. Почему именно сейчас она решила рассказать ему об этом?

"Моей... матери?"

"Я не собиралась говорить тебе об этом до окончания школы. Но по правде говоря, я знала твою мать еще до того, как она унаследовала Женщину-Титана".

"Знал?" Лазарь не знал, как относиться к этому внезапному открытию. Должен ли он злиться на Люсию за то, что она скрыла от него информацию о его матери? Или простить, учитывая, что ей осталось всего два года и она не хочет, чтобы последние минуты его жизни с ней были полны обиды?

"Несколько месяцев назад я сказал тебе, что знаю твою мать только как своего наставника и предшественника. Но на самом деле это была лишь половина истории. Она хотела, чтобы я подождал, пока ты достигнешь более зрелого возраста, прежде чем рассказывать тебе остальную часть истории. Думаю, ты уже показала мне, как сильно ты выросла".

Лючия решила принести пару стульев, чтобы они могли присесть на них для того, что она собиралась ему рассказать. Как только Лазарь устроился поудобнее, она продолжила.

"Когда я впервые встретила твою мать, мне было примерно столько же лет, сколько тебе. Она была частью подразделения "Альфа-воин" Марли, которое, как вы, наверное, слышали, было самым сильным подразделением Марли".

"Да, Леонардо рассказывал нам об этом на уроках истории. Я прекрасно знаю, что мои

родители были Воинами".

"Но до этого ты мало что знал о своей матери?"

"Она всегда была в отъезде, а отец умер еще до моего рождения. Тогда я всегда оставался с...

Лазарь внезапно застывает на месте, когда в его психике происходит очередное отключение. Звуки внешнего мира, в том числе и голос Лючии, медленно затихали, когда в его сознании возник первый мысленный образ.

Этот образ был более четким по сравнению с обычными дневными образами. Когда он видит сны, его видения наиболее четкие, а здесь они лишь размытые и трудночитаемые.

Однако по какой-то странной причине следующий набор образов был гораздо более четким, настолько, что он мог различить окружающую обстановку.

Он стоял внутри деревянного дома, судя по бревнам, встроенным в стены. Стены украшали несколько картин, все они были старыми черно-белыми фотографиями семьи, которая, по его предположению, жила в этом доме. Лица семьи были размыты, а все остальное было кристально чистым.

Единственный вид на внешний мир открывался через маленькое зарешеченное окно. Все, что он мог видеть, - это океан, сверкающий на фоне заходящего солнца в красивом оранжевом небе без единого облачка.

Следующее изображение показывало, что он смотрит на двух взрослых - мужчину и женщину. Как и на картинке, их лица тоже были размыты, и Лазарю было трудно их опознать. Но в этом видении было еще что-то необычное.

"Все в порядке, Лазарь?"

Это был первый раз, когда он испытал видение, в котором услышал его. С каждой минутой это становилось все страннее и страннее.

"Если ты беспокоишься о своей матери, не беспокойся". проговорил мужской голос. "С ней все будет в порядке".

"Да". добавила женщина. "Наш дом всегда будет открыт для тебя... Ты всегда был для нас как сын. А также братом нашему настоящему сыну".

Затем у Лазаря начался душевный срыв. Образы в его голове стали как будто сбиваться. Два человека перед ним, комната, в которой они стоят, - все менялось и исчезало.

"Что происходит?!" Лазарь начал паниковать. "Такого раньше не случалось с моими предыдущими отключениями! Что вообще вызвало это? Это потому, что эти незнакомцы сказали, что я для них как семья? Или потому, что они упомянули о том, что у меня есть... сын?"

Когда Лазарь изо всех сил пытался отключить свой разум, чтобы не повредить мозг, в его голове внезапно промелькнуло видение, которое он видел во время отключки на уроке Леонардо.

На картинке он бежал за мальчиком примерно одного с ним возраста и роста. Только теперь

все было гораздо четче, почти до такой степени, что он мог разобрать личность мальчика. К несчастью для него, все, что он мог разобрать, - это его затылок.

Но затем, по мере того как мальчик удалялся от него все дальше и дальше, послышался голос, который Лазарь принял за его голос, а не за свой собственный.

"Мне... жаль".

Это было все, что он смог услышать от него, когда мальчик официально скрылся из виду.

Затемнение наконец закончилось, и Лазарь вернулся в реальность, почувствовав болезненный укус на правой щеке.

Его зрение окончательно вернулось в реальный мир. Но чтобы убедиться в этом, он огляделся по сторонам и убедился, что действительно вернулся в магазин Люсии. Люсия все еще сидела напротив него, и выражение ее тревоги постепенно исчезало, сменяясь облегчением, ведь ее призыв к пробуждению сработал.

"Лаз! Слава Богу! Я думала, у тебя приступ! Похоже, та пощечина, которую я тебе дала, смогла вывести тебя из этого состояния... Прости за это".

Однако Лазарь был больше озадачен увиденным, чем обратил внимание на попытки Люсии извиниться и объясниться. Все, что он слышал от воина-кузнеца, это то, что она спрашивала его, не случилась ли с ним очередная потеря сознания, а также выражала недовольство тем, что у него все еще случаются такие приступы, ожидая, что он когда-нибудь из них вырастет.

"Лазарь?"

"Да, я все еще здесь". Он успокоил ее. Меньше всего ему хотелось, чтобы она снова беспокоилась о нем.

"Не могу поверить, что отключения все еще происходят. Я думал, что они исчезнут после всего того, чего мы добились за эти годы... Что вы видели на этот раз?"

Лазарь сделал небольшую паузу, вспоминая, что он видел. "Я... я не был один".

Лючия посмотрела на него с легким удивлением, не ожидая, что это будет ответом на ее вопрос.

"Все это время я думала, что оставалась совсем одна, когда матери не было дома. Я ошибался!" Он сделал паузу, ожидая, что Лючия спросит, кто был с ним, но она так и не спросила. Лазарь продолжил. "Всякий раз, когда она оставляла меня, я находился под присмотром двух других людей. Мужчина и женщина. Они жили в деревянном доме, стоявшем у океана. У них также был сын примерно моего возраста... Я помню, кто их родители. Но почему-то не могу вспомнить сына. Как будто какая-то сила мешает мне вспомнить".

Лючия начала беспокоиться за своего ученика. Она почти ничего не знала о жизни Лазаря до того, как нашла его, - только то, что ей рассказывала Лидия. Она вспомнила, как та упоминала, что, когда выполняла свои воинские обязанности, оставляла сына у соседей, чтобы те присмотрели за ним.

Что же касается того, что мешало ему вспомнить сына, то единственной версией было то, что Лазарь каким-то образом манипулировал силой Титана-основателя. Но если это так, то почему

только он? Ни за что на свете нынешний обладатель Основателя не стал бы использовать его силу для изменения воспоминаний одного подданного Ймира.

"Странно. Может, мне стоит спросить Тома об этих его изменениях памяти?" подумала она про себя.

Прежде чем Люсия успела расспросить Лазаря о подробностях, их обоих напугал чей-то крик в торговом зале магазина, просивший хозяина показаться.

"Черт, я слишком долго оставляла магазин в режиме ожидания".

"Прости, Лючия. Это из-за меня ты потеряла время". виноватым тоном воскликнул Лазарь.

"Все в порядке, Лаз. Я лучше вернусь к работе. Почему бы тебе не пойти и не насладиться остатком своего свободного времени. Мы сможем разобраться с этим позже, хорошо?"

Лазарь слегка кивает своему наставнику и уходит через черный ход. Люсия накрыла брезентом гигантскую металлическую маску, над которой работала, чтобы закончить в другой раз.

Хотя ее все еще мучили вопросы и теории о состоянии Лазаря и его прошлом, у нее все еще была работа. Она еще ни разу не подводила клиентов, и сейчас не станет, пока ей осталось всего два года до постоянной пенсии.

Лазарь наслаждался спокойной прогулкой по улицам марлейской столицы за пределами Либерио. По дороге он не мог не замечать взглядов, которые на него бросали почти все жители Марлея.

К этому времени он уже привык к дискриминации, которой ежедневно подвергались он и его собратья-эльдийцы. У него выработался иммунитет ко всем их ненавистным словам. Почему его должно волновать их мнение, когда главное - это его собственное мнение о себе?

И все же он ничего не мог сделать, чтобы отгородиться от их угроз и оскорблений. Он был вынужден выслушивать их каждый день.

"Смотрите, они позволяют дьявольскому отродью свободно разгуливать за пределами своей тюрьмы!" услышал он слова пожилого мужчины. Вслед за ним другой мужчина согласился с ним и назвал его грязным дьяволом.

"Заткнитесь, болваны!"

Лазарь остановился, услышав это, и оглянулся на того, кто это сказал. Это была случайная женщина, стоявшая среди группы людей, которые оскорбляли его.

"Вы знаете, кто этот ребенок?" спросила она слегка паническим тоном.

"Да, он один из тех эльдианских дьяволов". Первый парень быстро и грубо ответил. "Ну и что с того, что он один из тех кандидатов в воины? Это ничем не отличает его от остальных".

"Посмотрите на его нарукавную повязку!" Женщина указала на Лазаря, который стоял на одном колене и завязывал шнурки на левом сапоге, развязавшиеся, втайне прислушиваясь к их разговору.

"Этот мальчик - не обычный дьявол. Эта черная повязка указывает на то, что именно он

ответственен за взрыв, уничтоживший Одиху год назад. Все невинные люди, жившие там, сгорели. Выжил только он".

Остальные марлианцы вдруг замерли от страха. Они слышали о происшествии в Одихе. Но они и представить себе не могли, что за всем этим стоит один эльдианский ребенок.

"Этот... ребенок... сделал это?"

"Он не обычный дьявол. Он... чудовище среди дьяволов!" со страхом пробормотал мужчина.

Лазарь наконец встал, завязав шнурок. Он посмотрел на Марлианцев, которые говорили о нем. Его багровый взгляд заставил их сделать пару шагов назад, трясясь от страха.

Однако Лазарь не обращал на них внимания и продолжал идти к контрольно-пропускному пункту Либерио.

К этому времени все уже были в курсе его действий в Одихе. Его черная повязка служила постоянным напоминанием о том, какой он эльдианец и какие злодеяния совершил.

Но, по его мнению, он сделал то, что сделал, не намеренно. Это был момент, который он не мог контролировать. Момент, который стоил жизни всем, кто жил в Одихе, оставив ее в состоянии выжженного пепла и руин.

Он не был злым, это он знал точно. Если бы он был чудовищем, как о нем говорили, то контролировал бы свои действия и даже получил бы удовольствие от того, что устроил этот взрыв. Тех, кто поддается своей ненависти и желанию убивать, он считал настоящими дьяволами, будь то Элдиан или Марлиан.

И все же он был совершенно не против стать центром марлианской ненависти. Если это будет означать, что люди, которые ему дороги, получат меньше внимания, то он с радостью впитает всю ненависть, как губка-мазохист.

"Даже не знаю, что хуже. Слышать, как они говорят обо мне ужасные вещи из-за моего эльдианского наследия, или видеть, как они трусят в страхе передо мной из-за того, что я не смог контролировать год назад... Как бы там ни было, я не позволю им овладеть собой. Я должен стать Воином. Только так можно гарантировать, что то, что случилось в Одихе, больше никогда не повторится. И показать всему миру, что меня не стоит бояться".

Лазарь начал вспоминать события в Одихе. Это было не очередное затмение, а скорее обычное воспоминание о прошлом.

Все, что он мог вспомнить в тот момент, - это как он смотрел на раскинувшийся под ним город. Здания горели. Небо было темным, а солнце заходило за горизонт. И он слышал крики невинных людей, которые эвакуировались из своих горящих домов.

Чем больше он думал об этом, тем мучительнее становилась его головная боль. Последнее, что он запомнил в тот день, - как увидел высокую тень, протянувшуюся над центром большого кратера в центре города. Именно там и произошел взрыв. А в центре этого кратера он увидел свои собственные ноги, стоящие на выжженной земле.

"Осторожно, мерзкий дьявол!"

Лазарь тряхнул головой, возвращаясь из воспоминаний в настоящее. Он оглядывается по

сторонам, чтобы понять, кто на этот раз обращается к нему.

Затем он обращает внимание на контрольно-пропускной пункт, расположенный прямо перед ним, и видит охранника, который смотрит на упавшего эльдийца, держащегося за ногу, словно ему больно. Рядом с ним лежала деревянная трость.

"Вы, эльдийцы, так же неуклюжи, как и злы". Стражник повышает голос на эльдийца. Затем он снимает винтовку с плеча и направляет ее ему в голову. "Ты испачкал мою форму, и за это я должен всадить пулю в твою рабочую ногу!"

Мужчина попытался объяснить охраннику свою ситуацию, но тот был не в настроении слушать грязного дьявола.

Не раздумывая, Лазарь решил шагнуть к ним и теперь оказался на линии прицела винтовки охранника. И охранник, и мужчина не ожидали, что мальчик его возраста добровольно подойдет к заряженному оружию.

"Оставьте этого человека в покое. Он не причинил вам никакого вреда". Он умолял охранника.

"Этот косолапый ублюдок сбил меня с ног без всякой причины. Это было физическое нападение, и он должен быть наказан за это!" Охранник закричал на него.

"Я уже говорил вам!" заговорил эльдиец. "У меня снова подкосилась нога, и я случайно упал на вас. Это не было преднамеренно".

"Ты думаешь, я поверю словам эльдийца? Я должен пристрелить вас обоих, где...

Охранник замечает повязку Лазаря, и вся враждебность, которую он испытывал к этим двоим, внезапно исчезает. Он опускает винтовку и делает шаг назад.

"Это ты! Это ты...

"Я знаю, кто я". Лазарь прервал его, прежде чем он успел сказать что-то еще. "Это я устроил взрыв в Одихе. В результате моих действий погибло много людей. Так что если ты не хочешь испытать то, что я сделал, на себе, я бы отступил, солдат!"

При обычных обстоятельствах охранник выпустил бы несколько пуль в себя и в мужчину за то, что тот позволил эльдийцу так угрожать ему. Но знание того, что именно этот эльдиан сделал в Одихе, лишило его смелости поступить так. Охранник решает не нарываться на него и позволяет им пройти через контрольно-пропускной пункт в Либерио.

Лазарь подает руку человеку, который тянется за своей тростью. Тот слабо улыбается и берет его за руку, позволяя Лазарю снова помочь ему подняться на ноги.

Вдвоем они подождали, пока не оказались внутри ворот Либерио, и только потом обратились друг к другу. Как только они оказались вдали от стражников, Лазарь первым открыл ему глаза.

"Вы в порядке, сэр?"

"Со мной все будет в порядке. Похоже, мне придется научиться быть осторожнее с марлианцами, когда я отправляюсь на прогулку по городу". Голос мужчины звучал глубоко и гравийно. Лазарь не мог не вспомнить Тео Магата, когда слышал его голос. Ведь именно его голос он услышал первым, когда только поступил на программу "Воин".

"Спасибо за помощь, парень. Это было впечатляюще, как ты так разговаривал с солдатом. Даже когда он наставил тебе на голову пистолет, в твоих глазах не было ни капли страха".

"Я привык к этому. После всего, что я пережил, меня уже ничто не пугает. Даже смерть".

Мужчина слегка хихикнул в ответ. Услышав, как этот мальчик говорит, он вспомнил себя в юные годы. Когда он шел рядом с ним, правая нога мужчины начала подкашиваться, и ему пришлось перенести весь свой вес на трость, чтобы не упасть и не повторить то, что случилось на контрольно-пропускном пункте.

"Вы в порядке, сэр?" спросил Лазарь, беспокоясь за своего товарища-эльдийца.

"Я уже сказал вам, что со мной все в порядке. Просто я еще не привык к своей хромоте". Мужчина обнадеживающе ответил.

"Если позволите, я спрошу. Как вы так повредили ногу, сэр?" спросил любопытный Лазарь.

"Может, вы сначала поможете мне добраться до дома, а потом я расскажу вам за чашкой чая?"

Лазарь не ожидал, что человек, с которым он только что познакомился, пригласит его на чай. Обычно он не принял бы такого приглашения, если бы это был незнакомец. Но поскольку этот человек был таким же невинным эльдийцем, как и он сам, он не видел причин не доверять ему. Возможно, так он хотел отплатить ему за помощь.

Лазарю и хромому старику не потребовалось много времени, чтобы добраться до его дома. Его дом находился в нижней части города, рядом с рекой, из многочисленных дыр в стене которой вытекали зловонные нечистоты.

Там было всего несколько домов, построенных внизу. Все они были более ветхими по сравнению с обычными домами на поверхности. Над стеной, где находились ступени, по которым они спустились вниз, располагалась какая-то фабрика. Эта фабрика была результатом загрязнения, которое выливалось из труб в берег реки. Бедные люди, живущие там, вынуждены каждый день терпеть клубы дыма, выходящие из воронок.

Лазарю приходилось зажимать нос, чтобы не чувствовать в воздухе дурную вонь. Как люди, живущие там, справляются с этим ужасным запахом, каждый раз просыпаясь в своих домах? Если бы он жил там, то не протянул бы и дня.

"Я знаю, что здесь воняет, но вы привыкнете". Мужчина успокоил его, открывая входную дверь и отступая в сторону, позволяя гостю войти и чувствовать себя как дома.

По сравнению с внешним видом дома, внутри он был еще более убогим. Большинство комнат были пустыми и унылыми, в них стояла только самая необходимая мебель. На стенах не было ни картин, ни занавесок, ни ковров, ни даже вазы с цветами, чтобы украсить обстановку.

Лазарь задался вопросом, был ли этот человек слишком беден, чтобы позволить себе сделать ремонт в доме, или же он просто решил, что дом будет таким унылым. В любом случае он предпочел оставить свое мнение при себе. Он здесь гость, и он не соглашался приходить сюда, чтобы гадить в его доме.

Мужчина стоял над плитой, нагревая воду в кастрюле и засыпая в чайник несколько пакетиков чая. Лазарь сидел за деревянным столом на неудобном стуле. Он мог бы хотя бы купить подушки для стульев.

"Спасибо, что пригласили меня в свой дом, сэр. Но я не могу не чувствовать себя немного неловко".

"О?" Любопытство мужчины разгорелось. Он оглядывается на Лазаря и спрашивает его, почему он так думает.

"Просто я... я пришел с вами в ваш прекрасный дом и даже не спросил, как вас зовут. Меня зовут Лазарь Авербах, и я кандидат в воины". Лазарь привстал и приклонил шляпу перед мужчиной.

Тот в ответ тоже склонил перед ним свою красную шапочку. "Тебе не обязательно быть вежливым. Я знаю, что это место - дерьмо. Но это дом... Меня зовут Леонхарт".

Лазарь был удивлен таким открытием. Человек, которому он помог и с которым сейчас собирался пить чай, был отцом Энни! Тот самый, о котором Энни говорила, что он был для нее полным дерьмом и использовал ее только для того, чтобы получить билет в один конец и стать почетным марлианцем.

"Ты отец Энни?!" воскликнул Лазарь.

"Так ты знаешь мою дочь? Ну, ты же кандидат в воины, так что вполне логично". Леонхарт ответил, наливая горячую воду в чайник.

"Она много рассказывала мне о вас", - признался Лазарь. "Ничего хорошего. Только то, что ты беззаботный кусок дерьма!"

Леонхарта не смутили ругательства, извергаемые из уст девятилетнего мальчика. Но и отрицать его слова он не собирался, поскольку все они были правдой.

"Она права. Я удочерил Энни только для того, чтобы с ее помощью добиться лучшей жизни для себя". Он начал наливать чай в две чашки, стоящие перед ним. "Вы видели ее в действии во время тренировок. Вы бы сказали, что она хорошо себя показала?"

Лазарь был поражен тем, что Леонхарт даже не попытался опровергнуть обвинения Энни в его адрес. Теперь он спрашивал его, были ли его учения полезны во время обучения воинов.

"Энни - самый опытный боец в нашем отряде. Никто из нас не смог одолеть ее во время боевой подготовки. Я был близок к этому, но только потому, что она сдерживалась". Лазарь коротко объяснил.

Леонхарт с видом облегчения и гордости понес две чашки с чаем к столу. Он был так рад узнать, что Энни не стала неряхой с тех пор, как покинула его и присоединилась к программе.

Он передал Лазарю чай и сел в кресло напротив него. Он сделал глоток домашнего чая и некоторое время наслаждался его теплом, прежде чем снова обратиться к гостю.

"Если Энни говорила с вами обо мне, значит, вы близки".

"Мы просто друзья".

"Друзья?" переспросил Леонхарт. "Энни превратилась в холодную женщину, которая не ценит никого и ничего. Как получилось, что она воспринимает вас по-другому?"

Лазарь сделал глоток чая, прежде чем смог ответить на вопрос. Проглотив глоток, он ответил

на него.

Когда я только поступил на программу "Воин", я не чувствовал, что вписываюсь в общество других эльдиан. Я был потерян, одинок и постоянно сомневался в своем предназначении в этом жестоком мире, в котором мы живем... Когда я впервые встретил Энни, то, глядя в ее глаза, понял, что она такая же. Вероятно, она думала так же, поскольку была среди первых детей, которые решили подойти ко мне и поздороваться".

Пока Лазарь объяснял приемному отцу, как он впервые встретил Энни, Леонхарт просто откинулся в кресле и сделал еще один глоток чая.

"Мы заговорили о наших жизнях, когда проводили время на перерывах. Она рассказала мне о своем прошлом, а я ей - о своем".

"И ты, наверное, считаешь меня ужасным человеком за то, что я издевался над ней и использовал ее так, как делал это". Леонхарт прервал его. "Часть тебя, наверное, жалеет, что ты не вмешался и не позволил тому охраннику застрелить меня, да?"

Леонхарт ожидал, что Лазарь мгновенно согласится и расскажет ему, какой он ужасный человек и не имеет права превращать свою дочь в солдата, чтобы жить в роскоши, жертвуя при этом ее детством.

Но вместо этого Лазарь покачал головой в знак отрицания. "Нет. Даже если я не согласен с твоими родительскими навыками, я бы не позволил тому охраннику застрелить тебя".

"Почему?" спросил Леонхарт.

"Потому что каким бы жестоким ты ни был, ты все равно отец Энни. Ты взял ее к себе и дал ей дом, когда ее биологические родители не хотели иметь с ней ничего общего. Да, ты использовал ее только в своих эгоистических целях, но, по крайней мере, ты достаточно заботлив, чтобы помочь ей стать сильнее, а не оставить ее слабеть и умирать".

Леонхарт не ожидал, что он будет говорить так мудро и указывать на хорошее, а не сосредотачиваться на плохом.

"Я постоянно говорю Энни: "Да, твой отец - ужасный родитель. Но, по крайней мере, у тебя есть родитель". Лазарь внезапно делает паузу, не собираясь упоминать об этой детали в разговоре с человеком, который все еще считается для него незнакомцем.

"Твои родители тоже бросили тебя?" предположил Леонхарт.

"Не совсем." медленно ответил Лазарь. "Мой отец умер еще до моего рождения, а мать я почти не знал. Они оба были воинами, так что у них уже была роскошная жизнь, которой ты так отчаянно жаждал. Несмотря на все, что у них было, больше всего на свете они желали быть моими родителями. Но мой отец так и не смог встретиться со мной, поскольку ему пришлось передать Звериного Титана мистеру Ксаверу. А моя мать вскоре последовала его примеру, передав Женщину-Титана моей наставнице Люсии Мюллер. Я стал Воином, потому что хотел завершить то, что они начали, став Воинами".

Он делает паузу, чтобы отпить еще один глоток чая, который теперь стал немного прохладнее на ощупь.

"У всех кандидатов есть цель, чтобы унаследовать один из девяти. Причина сражаться. У всех,

кроме Энни... Она сказала мне, что ее не волнует спасение мира или что-либо еще. Если ей не за что бороться, то она не сможет стать лучшей из тех, кто она есть. Она никогда не станет достаточно сильной, чтобы победить наших врагов, сколько бы вы ее ни тренировали".

Леонхарт растерялся, услышав, как мудрость слов этого мальчика становится все сильнее и сильнее с каждым предложением. Он мог только предположить, что у этого ребенка тоже есть кто-то, с кем он тренировался. Кто-то, кто, вероятно, не был так интенсивен в тренировках, как он с Энни. И в результате он почему-то стал намного сильнее Энни. Не в смысле физической силы, а в сердце и преданности. Может быть, он был прав. Может, он учил ее чему-то не тому?

Леонхарт неосознанно начал потирать правое колено, где находилась рана. В его глазах начали появляться слезы, что стало для Лазаря небольшим сюрпризом.

"Мистер Леонхарт?"

"Вы правы". Он пробормотал почти неслышно. "Я был брошен родителями из-за связи моей матери с эльдийцем. Я родился на другом континенте, далеко от Марли. Там, откуда я родом, всегда выживал сильнейший. Если ты не мог выдержать пыток, то всегда найдется хищник, превосходящий тебя. Меня воспитывали так, чтобы я всегда хранил эти традиции и передавал их своим детям... Я никогда не задумывался об этом. Я твердил себе, что если я буду тренировать ее так же, как тренировала меня моя семья, то она будет достаточно сильна, чтобы убить любого, даже безоружного".

Леонхарт закатывает правую штанину, открывая Лазарю огромный синяк на коленной чашечке. Она выглядела не так, как другая. Похоже, она была сломана, что объясняло его постоянную хромоту. Посередине был шрам, свидетельствующий о том, что некоторое время назад он перенес операцию.

Я так хотел, чтобы она была сильнее меня, чтобы мне не пришлось беспокоиться о том, что она не сможет стать Воином". В результате моей злости и оскорблений она использовала свою возросшую силу, чтобы окончательно повредить мою правую ногу, из-за чего я не мог ходить без трости... Но я не злился. Я был счастлив. Потому что именно тогда я понял, что мне удалось передать ей традиции моей родины в бою. Я наконец-то получил то, что хотел".

"И оно того стоило?" искренне спросил Лазарь.

Леонхарт опустил штанину брюк, за которой вскоре последовала его голова в печали. Он тупо уставился на свою чашку чая, стоящую на краю стола.

Если бы ты спросил меня об этом раньше, я бы ответил "да". Но ты показала мне, что я поступил неправильно. В своем эгоистичном желании жить лучше я заставил Энни пройти через те же муки, через которые прошел сам. Она была такой же, как я. Но вместо того чтобы учиться на своих ошибках, я их повторял... И теперь я могу потерять ее, если она унаследует одну из девяти".

Затем Лазарь решил утешить мужчину, положив свою руку на его руку. Леонхарт был слегка шокирован таким проявлением заботы. К такому он не привык.

"Еще не поздно". Он успокоил его. "Энни все еще твой ребенок, что бы она о тебе ни думала. Если ты действительно хочешь наладить с ней отношения, покажи ей, как много она для тебя значит. Перестань вести себя как ее тренер и веди себя как ее отец".

"Как?"

"Подойдите к ней, когда она вернется домой, крепко обнимите ее и извинитесь за все эти годы насилия. Может, она и не простит тебя, но ты и не должен ждать от нее этого. Дайте ей повод бороться, повод жить. Скажите ей, что ваше желание стать почетным марлианцем больше не имеет значения. Единственное, что должно иметь для вас значение, - это ее безопасность. Сделайте это, и она перестанет считать себя и всех остальных недостойными спасения. А когда она унаследует одну из девяти и мы все отправимся в Парадиз, она будет использовать эту силу, чтобы сражаться в полную силу. Она также начнет больше доверять остальным, а не только мне... Единственный способ, которым мы, Воины, сможем выполнить нашу миссию и захватить Титана-основателя, - это действовать единым фронтом, вкладывая всю нашу веру в товарищей и друг в друга". Лазарь глубоко вздохнул после столь долгого и обстоятельного объяснения.

Леонхарт внимательно слушал советы молодого воина. Он давал ему шанс искупить вину перед своей единственной дочерью. Шанс показать ей, что он не просто холодный бессердечный ублюдок. Что у него есть сердце, полное любви к ней.

Он знает, что шансы на то, что Энни его простит, невелики, но он должен попытаться. Даже если он никогда больше не увидит ее, он будет счастлив, зная, что у нее есть такой человек, как Лазарь. Кто-то, кого она считает важным для себя и достойным ее привязанности.

Леонхарт взял в руки трость и встал с кресла. В его чашке уже не было чая. Однако чашка Лазаря была еще полна и, вероятно, уже успела остыть.

Он подошел к беловолосому мальчику и положил руку ему на плечо. "Спасибо тебе, Лазарь... Спасибо, что показал мне человека, которым я должен стать, а не того, кем я был когда-то. Если ты действительно веришь, что еще не поздно исправить отношения с Энни, то я приму твой совет к сердцу... Но как я узнаю, когда придет время сказать ей об этом?"

"На этот вопрос я не могу ответить... Вы должны решить его сами".

Леонхарт с уважением принял его ответ, даже если это был не тот ответ, который он искал. Каким бы мудрым ни был этот ребенок, даже у него нет всех ответов.

Лазарь поднял свою чашку, чтобы допить чай перед уходом.

"Ваш чай, наверное, уже остыл. Хотите, я подогрею его для вас?" спросил Леонхарт.

"Нет, все в порядке. Все равно спасибо". добродушно ответил Лазарь. Он взял чашку в обе руки и поднес ее к губам.

Когда Лазарь допивал чай, Леонхарт не мог не заметить, что из чашки идет пар. Теперь он подумал, не обманывают ли его глаза. Он мог бы поклясться, что чай уже остыл. Он пожал плечами и забрал у Лазаря пустую чашку. Возможно, заводские испарения снова подействовали на него.

Когда солнце зашло за Либерио, Лазарь наконец решил, что пересидел в гостях больше, чем следовало, и собрался уходить.

Леонхарт вывел его из дома и проводил до моста через реку, где находилась лестница, ведущая на поверхность.

"Несмотря на то, как прошло наше знакомство, мне было приятно наконец-то встретиться с вами, мистер Леонхарт".

"Мне тоже было приятно с вами познакомиться, Лазарь. И еще раз спасибо тебе за все. За то, что спасли мне жизнь, открыли глаза, за все". Леонхарт сказал это более заботливо, чем обычно.

Перед уходом они в последний раз пожали друг другу руки. Энни, прогуливавшаяся рядом с вершиной стены по дороге домой, наблюдала за этим обменом.

Она была озадачена тем, почему Лазарь здесь и ведет себя дружелюбно с ее отцом, несмотря на то что она ему сказала. Но она не хотела делать поспешных выводов, пока не выслушает обе стороны. Она знала, что Лазарю свойственно быть добрым к другим, но он никогда бы не проявил доброту к ее жестокому отцу, если бы у него не было для этого действительно веской причины.

Лазарь вскоре прервал рукопожатие и пересек мост, поднимаясь по лестнице на главную улицу. Энни решила спрятаться за фабричным мусорным контейнером, чтобы не быть обнаруженной единственным мальчиком в ее отряде, который ей нравился.

"Спокойной ночи, мистер Леонхарт". крикнул он, помахав рукой. Но прежде чем уйти, он решил еще больше поднять себе настроение, сказав то, что уже давно было у него на уме. "И еще одно. Ты ошибался, когда говорил, что я привыкну к этому запаху!"

Леонхарт не мог не рассмеяться в ответ на его попытку пошутить. Он уже и не помнил, когда в последний раз искренне смеялся. Это было приятное чувство. Он надеялся, что Энни когда-нибудь испытает его вместе с ним.

Как только Лазарь скрылся из виду, Энни вышла из своего укрытия и спустилась по лестнице к своему дому. Заметив ее приближение, мистер Леонхарт почувствовал, как у него затрещали нервы. Тот разговор с Лазарем изменил его отношение к дочери. Теперь он видел в ней свою дочь, а не инструмент для лучшей жизни.

Энни, однако, проигнорировала его и сразу же отправилась в свою спальню. С ее стороны это было вполне понятно. Леонхарт глубоко вздохнул, входя в свой дом.

*Сейчас, наверное, не время рассказывать ей о том, что сказал мне Лазарь. Мне нужно набраться терпения и дать подходящему моменту наступить". подумал он про себя. Сегодня он усвоил очень важный урок. Он не может позволить себе пропустить его мимо ушей. У него может не быть другого шанса, если он сейчас оплошает.

Вернувшись в военные казармы, Лазарь пробирался по коридорам к своей комнате. Комендантский час, когда все эльдианские курсанты должны были вернуться в казармы, уже прошел, около получаса назад. Если его сейчас поймают, у него будут серьезные проблемы.

Комендантский час касался не только курсантов, оставшихся в казармах, но и тех, у кого в Либерио остались семьи. В казармах разрешалось оставаться только тем ребятам, у которых не было родителей. Многие из кадетов, у которых не было семей, были эльдианцами, которых избавили от ужасной участи быть отправленными в Парадиз, чтобы прожить свою жизнь в качестве бездумных Чистых Титанов. Причины этого были разными. Кто-то нарушал правила, кто-то был частью эльдианских реставраторов, как родители Зика. А некоторых просто отправили туда, чтобы предотвратить перенаселение эльдиан в пределах Марли. Военные считали, что если эльдианцев на родине станет слишком много, то они могут попытаться восстать против них.

К счастью для большинства эльдиан, в Парадиз отправили только пожилых и немощных людей,

поскольку в Марли были свои цели для молодых мужчин, женщин и детей. Лишь пожилые и нездоровые люди, ставшие почетными марлианцами, были избавлены от участи, худшей, чем смерть.

Когда Лазарь уже подходил к их с Зиком покоям, его остановил властный голос, назвавший его фамилию.

Он застыл на месте, когда понял, что тот, кто поймал его на краже, - его начальник, коммандер Тео Магат, который смотрел на него неодобрительным взглядом.

"Вы гуляли до комендантского часа, Авербах!"

Лазарь отдал честь своему командиру, прежде чем обратиться к нему, надеясь, что, проявив уважение, он отделается предупреждением.

"Прошу простить меня, командир. Я помогал Люсии с кузницей и потерял счет времени".

"Да, она мне сказала. Однако она также сказала мне, что вы покинули ее лавку два часа назад. Куда вы отправились после этого?" приказал Магат.

Лазарь нервно сглотнул, пытаясь сформировать предложение. Но не успел он договорить, как Магат решил говорить за него.

"Я уже знаю о том трюке, который ты провернул на контрольно-пропускном пункте". Он обратился к нему, заставив Лазаря напрячься еще больше, чем раньше. "Охранник, которому ты угрожал, пришел ко мне сразу после того, как пропустил тебя и Леонхарта. Он сказал мне, что вы сделали это, чтобы защитить его. Это правда?"

"Да, сэр!" нерешительно ответил он.

По тому, как он вспотел, Магат понял, что он нервничает. Как будто он боялся, что его будут ругать. Даже если бы он хотел этого, Тео знал, что ничего не добьется. Меньше всего ему и остальным военным хотелось бы, чтобы он спровоцировал еще один взрыв. Поэтому он решил смириться с его опозданием и позволить мальчику вернуться в свою комнату.

Лазарь не мог понять, почему Магат решил развернуться и уйти. Нужно было спросить, пока его не услышали.

"Подождите, господин! Разве я в беде из-за того, что случилось со стражником?!"

"Просто ложись спать, и никаких проблем не будет!" только и ответил Магат, прежде чем исчезнуть из виду.

Лазарь не стал спрашивать, что он имел в виду, и просто повиновался его приказу, как и подобает хорошему солдату.

Войдя в свою комнату, он увидел, что Зик Ягер уже лежит на нижней койке.

"Ты опоздал. Где ты был весь день?"

Так он думал. Включив настольную лампу, Лазарь повернулся к старшему брату по оружию.

"Я весь день работал с Люсией в магазине. Потом немного прогулялся за пределами зоны интернирования. На обратном пути встретил отца Энни. Он пригласил меня к себе домой на

чай".

"Отец Энни?" Зик не был уверен, правильно ли он его расслышал. Отец Энни пригласил его на чай. Не может быть, чтобы он сделал что-то подобное.

"Это правда". Лазарус признал его слова. "Он может показаться немного придурковатым, но в целом он не такой уж плохой парень".

Зик откинулся на спинку кровати и уставился на верхнюю койку над собой, чтобы не видеть, как его сосед по комнате переодевается в пижаму у него на глазах.

"Как ты это делаешь, Лазарь?"

Лазарь сделал паузу, застегивая пижаму, и взглянул на Зика, который все еще смотрел вверх.

"Как ты можешь видеть хорошее в каждом, кто тебя окружает? Как ты можешь жить, не ненавидя никого? Даже если тебя ежедневно ненавидят за то, что ты эльдиец, ты всегда проходишь мимо них с улыбкой на лице... Неужели ты просто не способен никого ненавидеть?" спросил Зик.

Лазарь задумался, как ответить на этот вопрос. Раньше он никогда об этом не задумывался. Просто игнорировать дискриминацию, которой он подвергается ежедневно, было для него чем-то неосознанным. У него никогда не было причин вступать с кем-то в драку, если только речь не шла о тех, кто был ему дорог.

"Дело не в том, что я не способен на ненависть. Я просто предпочитаю не принимать ее". Это было все, что он мог ему сказать.

"Почему?" снова спросил Зик.

"Потому что если я решил встретиться лицом к лицу с ненавидящими нас марлианцами и выразить свою ненависть к ним, значит, я тот, за кого они меня выдают. Мерзкий злой дьявол". Лазарь закончил застегивать рубашку, чтобы повернуться лицом к Зику. "После того, что случилось в Одихе, я был полностью поглощен ненавистью, гневом и горем. Не ради Марли, а ради самого себя".

Зик вспомнил, как он упоминал о трагических событиях в Одихе в прошлом году. Почти все военные знали о причастности Лазаря. Большинство ненавидели его за его поступки, а другие жили в страхе перед ним, когда он проходил мимо них по улице. Однако Зик и другие кандидаты - за исключением Порко - не винили его в случившемся.

При первой встрече с ним он и остальные были настроены несколько скептически. Но именно Люсия убедила их в том, что он не представляет для них угрозы и является одним из добрых эльдиан. И после нескольких месяцев, проведенных под одной крышей с ним, Зик убедился, что она была права.

"В том, что случилось в Одихе, нет твоей вины. Это был несчастный случай, мы все уже говорили тебе об этом".

"Я знаю это", - отозвался Лазарь. "Но это не отменяет того факта, что в тот день во время взрыва погибло так много людей, включая родителей моего друга. И все из-за меня. Тогда единственным человеком, которого я ненавидел, был я сам. Но Люсия показала мне, что для ненависти к себе нет места, пока мир все еще находится в замкнутом круге ненависти. Я стал

воином, чтобы положить конец этому круговороту и, возможно, однажды... Положить конец эпохе Титанов".

Выслушав его речь, Зик, пожалуй, позавидовал другу еще больше, чем раньше. Он так ненавидел своего отца, Гришу, что не считал себя способным когда-либо простить его.

Всю жизнь родители внушали ему, что он особенный, что он дитя королевской крови, которое может привести эльдийцев к победе над Марли. Но на самом деле все, чего он хотел, - это быть обычным ребенком и общаться с отцом.

Но он смог найти другого, более любящего отца в лице Тома Ксавера, нынешнего обладателя Титана Зверей. Один из немногих, кто заботился о нем и видел в нем мальчика, а не ребенка-солдата.

"Погодите-ка... Ой! Зик попытался сесть, чтобы спросить Лазаря о чем-то еще, о чем он говорил. Но в итоге он ударился головой о верхнюю койку.

Лазарь прикрыл рукой рот, чтобы заглушить смех, так как не хотел никого разбудить. В это время Зик раздраженно потирал голову.

"Спорим, ты иногда жалеешь, что не такой высокий, Зик?" насмехался Лазарь.

"Наслаждайся моментом, Лазарь, потому что завтра я надеру тебе задницу на боевой подготовке за это!"

"Если ты не страдаешь от травмы головы". Он огрызнулся в ответ.

Зик еще больше разозлился, получив быстрый ответный удар от своего раздражающего младшего брата по оружию. Может, он и вправду считает его своим братом, потому что они оба постоянно раздражают друг друга, как обычные братья и сестры.

Через пару минут, чтобы прийти в себя, Зик наконец решил предпринять еще одну попытку спросить Лазаря, что у него на уме.

"Эй, Лазарь... Ранее ты говорил, что родители твоего друга были среди жертв взрыва Одихи. Как получилось, что я впервые слышу об этом? Вы сказали мне, что до поступления на военную службу никого там не знали".

"Ну... честно говоря, я и сам не уверен, были ли у меня там друзья или дальние родственники". признался Лазарь. "В последнее время мои видения становятся все более ясными с каждым днем, прошедшим после Одихи. Я видел мужчину и женщину, которые, как я полагаю, были вместе. Они говорили со мной так, словно мы были очень близки. И у них был сын, с которым я, кажется, был близок. Но глюки, которые я испытываю во время провалов в памяти, становятся наиболее сильными, когда я пытаюсь вспомнить именно его. Как будто он имеет какую-то власть над моим разумом".

"Правда?" спросил Зик. Он немного подумал об этом и попытался понять причину почти постоянных дневных снов Лазаруса.

Том Ксавер даже попытался провести исследование на эту тему, но не смог найти ничего, что связывало бы Титанов, Основателя и Субъекта Имира с тем, что происходит с Лазарем. Хотя он заверил его, что использует все оставшееся время, чтобы найти ответ.

"Что ж, у меня есть теория".

Лазарь подошел к кровати и сел на стул у приставного столика, чтобы как следует выслушать его теорию.

"Возможно, этот "друг", которого ваш разум отказывается вам показать, и есть источник тех отключений, которые вы постоянно испытываете". По шокированному выражению лица Лазаря он догадался, что тот растерянно молчит.

"Может быть, этот загадочный ребенок, которого вы видели, был кем-то, с кем вы когда-то были близки. Потом он решил бросить тебя и стер все следы из твоей памяти".

"Этого не может быть". подумал Лазарь. Ни один эльдиан, даже обладающий силой девяти, не может изменить свои воспоминания. Разве что кто-то королевской крови, а все королевские особы бежали в Парадиз вместе с королем Фрицем и Титаном-основателем.

"Однако это не может быть правдой. Только эльдины с королевской кровью могут манипулировать воспоминаниями подданных Ймира. И даже если у него есть такая кровь, он все равно не сможет этого сделать без силы Основателя". заметил Лазарь. "Если бы Основатель был здесь, мы бы знали. Так что же еще это может быть?"

Лазарь зевнул, потирая глаза. Он слишком устал, чтобы как следует обдумать эту теорию Зика. Будет лучше, если он сейчас поспит, а завтра продолжит теоретизировать.

Он забрался по маленькой лесенке на верхнюю койку и улегся на кровать, не снимая шляпы и наклонив ее вперед, чтобы прикрыть глаза.

"Мне кажется, за все время, что я тебя знаю, я ни разу не видел, чтобы ты снимал эту шляпу". Зик прервал разговор, когда Лазарь уже собирался закрыть глаза. "Почему ты всегда носишь эту штуку?"

"По двум причинам". Лазарь перечислил причины, по которым его левая рука висит над кроватью так, чтобы Зик мог видеть. "Первая - потому что у меня очень сильно редеют волосы".

Теперь настала очередь Зика сдерживать смех, прикрывая рот ладонью. Сама мысль о том, что Лазарь может быть лысым под этой шляпой, была слишком забавной, чтобы пропустить ее мимо ушей.

"А вторая причина в том, что... она принадлежала моему отцу".

Услышав вторую причину, Зик рассмеялся. Ему не нужно было объяснять Лазарю, почему он всегда носит эту черную фетровую шляпу.

Ответив на бессмысленный вопрос, оба воина погрузились в сон, как только Зик выключил лампу на приставном столике, и в комнате воцарилась спокойная темнота, позволяющая им отдохнуть.

Продолжение следует

http://tl.rulate.ru/book/104527/3655687